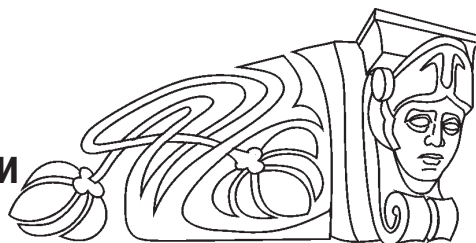

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

УДК 316.3(100)

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

М. Н. Концыбовская

Саратовский государственный университет
E-mail: mkoncybovskaaya@mail.ru

В статье рассмотрены основные модели взаимодействия государства и институтов гражданского общества. Проанализированы международные практики гражданского участия на примере функционирования Экономического, социального и экологического совета Франции и гражданских жюри США. Представлена российская модель «взаимно ответственного партнерства».

Ключевые слова: институты гражданского общества, общественные советы, Общественная палата, государство, глобализация.

Basic Model of the Interaction of Civil Society and State under the Conditions of Globalization

М. N. Koncybovskaaya

The article describes the basic model of interaction between the state and civil society institutions. Analyzed international practices of civic participation, on the example of the functioning of the Economic, Social and Environmental Council of France and the US Citizens Jury. Presented by the Russian model «mutually responsible partnership».

Key words: institutions of civil society, community councils, Public Chamber, state, globalization.

В современном мире, с одной стороны, все большее распространение и популярность приобретают демократические ценности, направленные на повышение публичности властных процессов и представленности в них институтов гражданского участия. Однако, с другой стороны, демократизация также нередко воспринимается как инструмент в борьбе за политическую власть и влияние, как ключевой фактор развития кризисных процессов в государстве и нарастания общественных противоречий¹.

В Стратегии национальной безопасности России до 2020 г. в качестве национальных интересов на долгую перспективу представлено, в первую очередь, развитие демократии и гражданского общества². Данным проблемам в российском научном сообществе уделяется особое внимание. Так, в феврале 2007 г. была создана Лаборатория исследования гражданского общества Государственного университета – Высшей школы экономики, руководителем которой стал доктор экономических наук, профессор, первый проректор НИУ ВШЭ Л. И. Яковсон, а в 2009 г.

на базе Лаборатории был создан Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора. В июне 2008 г. на факультете политологии МГИМО появилась одна из первых специализированных в данной области кафедра гражданского общества как «научно-методическая и учебная площадка для внедрения накопленного практического и теоретического опыта Общественной палаты России и других институтов гражданского общества в учебный и научный процесс»³. Примечательно, что сотрудниками кафедры являются юристы, а ее заведующим стал член Общественной палаты РФ В. В. Гриб.

Таким образом, процессы институционализации гражданского общества в современной России сопровождаются научно-исследовательской поддержкой, включающей создание некоторых теоретико-методологических основ, проведение мониторинга институтов гражданского общества, изучение информированности и вовлеченности граждан в работу НКО, а также вопросов благотворительности, добровольчества и самоорганизации профессиональных сообществ.

По мнению А. А. Вилкова, «государство и гражданское общество существуют как две стороны одной медали, которые не могут быть поняты отдельно друг от друга», исследование моделей их взаимодействия позволяет нам по новому взглянуть на механизмы консолидации населения в рамках единого сообщества⁴. Российскими учеными выделяются некоторые парадоксы при институционализации гражданского общества в нашей стране, которое прошло противоречивую стадию «заимствования ресурсов, институтов и отчасти идей», а отныне его развитие находится «в стадии импортозамещения»⁵. В связи с этим необходимо рассмотрение некоторых международных практик гражданского участия, выделение общих и отличительных черт по сравнению с российской спецификой.

С учетом зарубежного опыта, а именно работы Экономического, социального и экологического совета (ЭСЭС) Франции, в 2014 г. был изменен принцип формирования Общественной палаты РФ, т. е. помимо включения региональных общественных палат нововведением также стало представительство отраслей всех сфер жизнедеятельности общества. По мнению ученых, изначально именно данная структура

стала прототипом для создания Общественной палаты в России⁶. Согласно Конституции Франции, данный Совет обладает такими статусными характеристиками, как *конституционное собрание*, гарантирующее независимость по отношению к исполнительной и законодательной власти; *представительское собрание*, состоящее в основном из членов, назначаемых общественно-профессиональными национальными организациями; *консультативное собрание*, вырабатывающее рекомендации для органов государственной власти в области экономической и социальной политики⁷.

В качестве принципов формирования состава ЭСЭС исследователи выделяют: представленность всех основных структурных элементов экономических и социальных сфер общества, а также выборность своих представителей наиболее крупными организациями и предложение их кандидатур премьер-министру⁸. Важнейшим аспектом деятельности данной структуры можно назвать рекомендательный характер принимаемых ею решений, т. е. власти вправе не прислушиваться к обобщенному мнению представителей разных профессиональных и социальных организаций, данный принцип аналогичен и для Общественной палаты РФ. Все члены Совета за свою работу получают зарплату, равную трети зарплаты парламентариев, но не пользуются парламентской неприкосновенностью⁹. Следовательно, данная структура представляет собой некую площадку для обсуждения социальных, экономических и экологических вопросов и обеспечения более широкого общественного представительства в реализации официально проводимой политики.

Возникновение консультативных общественных советов нередко связывают с осознанием необходимости включения гражданского общества в политический процесс, для повышения легитимности политических решений и эффективности деятельности органов власти¹⁰. Современными исследователями выделяются две наиболее эффективные и зачастую конкурирующие формы консультативных общественных советов, обеспечивающих делиберативное принятие решений: общественные советы, создаваемые государством или местными сообществами, а также самодеятельные общественные советы, создаваемые негосударственными организациями (гражданские жюри)¹¹.

Парадоксом функционирования общественных советов, создаваемых государством, в силу их близости к органам власти, являются процессы их бюрократизации и коммерциализации, т. е. они руководствуются определенными нормами и принципами организационной деятельности, выстраивают иерархию, разделяют сферы ответственности и вводят документооборот. Однако формат гражданских жюри позволяет избавиться от этих недостатков и внести некое своеобра-

зие в процессы взаимодействия государства и общества.

Идея гражданского жюри принадлежит американцам П. Даенелю и Н. Кросби, обособившим идею возрождения древнейшего института народных собраний, вырабатывающих рекомендации мэрам крупных городов, губернаторам штатов и даже президенту США, а затем запатентована некоммерческой организацией «Джефферсон Центр» в 1974 г. В отличие от общественных советов, выступающих в качестве инструмента проведения публичной политики органами власти, гражданские жюри как самодеятельные общественные советы создаются субъектами гражданского общества и представляют собой механизм воздействия общественности на публичную политику, проводимую органами власти¹².

Беспристрастность и независимость от органов власти гражданским жюри обеспечивает статус консультационной общественной коллегии. Согласно В. Н. Руденко, в «их компетенцию входит коллективная выработка оптимальных вариантов решений трудных общественных проблем посредством изучения общественных ценностей, интересов, идей»¹³.

В качестве базовых характеристик деятельности гражданских жюри можно выделить следующие:

- случайный отбор членов с применением специальных методик, обеспечивающих представительство различных демографических групп;
- финансирование за счет спонсоров – НКО, корпораций, правительственных агентств, медиа-организаций, отдельных граждан или их комбинаций, однако без участия лиц, принимающих решение;
- формирование состава гражданского жюри для решения актуальной и социально-значимой проблемы, полное отвлечение жюри от основного рода деятельности и всестороннее исследование выносимого на рассмотрение вопроса;
- экспертная координация деятельности гражданского жюри, которая включает в себя объяснение истории обсуждаемой проблемы и представление возможных вариантов ее решения;
- учет позиций всех членов гражданского жюри с помощью оформления процедуры «особое мнение»;
- широкое информирование общественности о результатах проведенной деятельности;
- деятельность гражданского жюри представляет собой «разбирательство по поставленным консультативным советом вопросам»: подготовка «внимательной публики», проведение специальных слушаний с опросом «свидетелей» и обсуждением проблемы, вынесение «вердикта» на общественном форуме, подготовка заключения¹⁴.

Исследователями гражданских жюри подчеркивается общественная природа принимаемых ими рекомендаций и отсутствие государ-

ственного влияния. Однако для их полноценного функционирования в России необходимо наличие независимых и реально действующих НКО и иных субъектов, заинтересованных в открытом общественном обсуждении актуальных вопросов и нахождении оптимальных вариантов их решения. Наиболее оптимальным считается адаптация и использование частных практик деятельности гражданских жюри для рассмотрения приоритетных и значимых вопросов общественной жизни и урегулирования качественных противоречий на базе общественных палат, в работе которых уже используются экспертная координация, информирование общественности и, в частности, процедура «особое мнение» (Общественная палата Республики Татарстан).

В контексте особой важности всестороннего анализа и полноценного рассмотрения социально значимых проблем в процессе принятия политических решений, на наш взгляд, необходимо обратиться к трактовке и сущности понятия «делиберативная демократия». Латинское понятие «*deliberation*» возникло из словаря римского права и в содержательном плане трактуется как «размышлять», «советоваться», «взвешивать за и против», «проводить консультации»¹⁵. Делиберативная демократия, по мнению А. В. Зайцева, сочетает в себе элементы представительной демократии (*representative democracy*), прямой демократии (*direct democracy*) и демократии участия (*participatory democracy*)¹⁶.

К теоретическим основателям концепции демократической делиберации относят Дж. М. Бессета, Дж. Дьюи, Дж. Эльтера, С. Бенхабиб, Д. Фишкина, Дж. Ролза, Д. Томпсона, Й. Когена, К. П. Риппа, Ю. Хабермаса и др. Современными исследованиями в данной области занимаются А. В. Зайцев, И. С. Яжборовская, М. А. Очеретина, В. В. Самсонов, М. Р. Зазулина, А. Б. Корноушкин, Н. В. Ляхович-Петракова, А. Н. Мочалов и др.¹⁷

Сущность модели делиберативной демократии можно свести к непосредственному участию граждан в политическом процессе, к диалогу между гражданским обществом и государством посредством дискуссий и переговоров по актуальным вопросам общественного развития. При этом важно акцентировать внимание на первостепенности таких характеристик данного процесса, как равнозначность сторон, терпимость к чужому мнению, прозрачность, открытость, аргументированность и социальная значимость.

У исследователей концепции делиберативной демократии нередко возникают дискуссии по определению ее сущности. Так, А. В. Зайцев считает принципиально важным разграничение понятий «делиберация» и «дискурс», аргументируя это тем, что «делиберация предполагает дискурс, но далеко не каждый (политический) дискурс есть делиберация», автор определяет дискурс как «субъект-объектное воздействие адресанта на

адресата», а делиберацию «как паритетное субъект-субъектное взаимодействие и сотрудничество»¹⁸. Данное противоречие, на наш взгляд, демонстрирует необходимость эффективной работы механизмов обратной связи, постоянного мониторинга результатов и последствий принимаемых политических решений, диагностики социальных противоречий и проблемных сфер в совместной работе институтов гражданского общества и органов государственной власти.

Исследование моделей взаимодействия институтов гражданского общества и государства представлены в работах таких российских ученых, как А. А. Вилков, М. И. Либоракина, В. Н. Якимец, А. С. Автономов, Л. И. Якобсон, Н. Ю. Беляева, Е. В. Белокурова и других, однако их более систематизированный вид встречается у Ю. А. Сунгурова¹⁹. Помимо разграничения трех вариантов взаимодействия органов власти и гражданских структур: сотрудничества, отсутствия сотрудничества (игнорирования) и конфронтации, автор выделяет восемь моделей: в рамках партнерского взаимодействия – «модель садовника», «партнерскую модель» и «модель архитектора»; в рамках взаимодействия, основанного на доминировании власти – «патерналистскую модель» и «модель приводных ремней»; при конфронтации – «модель борьбы с противником» и «модель гражданского неповиновения», а также «модель игнорирования»²⁰. При этом важно отметить, что автор говорит о возможности сочетания данных моделей для конкретного исторического периода развития постсоветской России.

С точки зрения политического менеджмента характер взаимоотношений государства и гражданского общества рассматривает А. А. Вилков, он выделяет модель доминирующих субъект-объектных отношений, модель сбалансированных субъект-субъектных и объектных отношений, а также модель с преобладанием объект-субъектных отношений²¹. При этом автор отмечает необходимость сбалансированного взаимодействия государства и гражданского общества, осуществляемого на правовой основе, как гарантию сохранения и укрепления демократического потенциала в современной России.

В качестве трех разновидностей взаимодействия НКО и власти В. Н. Якимец выделяет: квазисоветские, инновационные и мутантные²², в рамках инновационного взаимодействия представлены: конкурсные, социально-технологические, организационно-структурные, процедурные и комбинированные механизмы²³. Важно отметить, что автор уделяет особое внимание в определении сущности современных российских моделей взаимодействия государства и гражданского общества влиянию предшествующего советского типа взаимоотношений граждан и власти и необходимости внедрения инновационных механизмов в данный процесс.

Кроме того, можно выделить модели взаимодействия государства и институтов гражданского общества по критерию участия последних в процессе принятия политических решений. Так, Н. Яргомская, Е. Белокурова, М. Ноженко и Д. Торхов считают, что *нормативная модель* представляет собой НКО как реальные институты, осуществляющие связь между частной и публичной сферой, в *легитимационной модели* НКО выполняют функции артикуляции и агрегации интересов граждан на «входе» политической системы, в *инструментальной модели* НКО помогают решать социально значимые вопросы²⁴.

Примечательно, что в научном сообществе делаются попытки сравнительного анализа демократических моделей, практик и институтов и нередко демонстрируются схожие черты данных структур, функционирующих в разных странах. Так, А. В. Зайцев сравнивает российскую действительность с «китайской моделью» демократии, считая, что в Китае «авторитарный политический режим использует демократический потенциал и политическую риторику делиберативной демократии для самовоспроизводства неоавторитарной власти, для сглаживания социальных конфликтов, преодоления поляризации и социальной напряженности в обществе», при этом «китайское государство поощряет и развивает совещательно-консультативные и диалоговые учреждения и институты»²⁵.

В отличие от демократических политических систем, где горизонтальные общественные коммуникации и связи преобладают, в Китае, пишет автор, «власть единолично формирует базовые условия коммуникации и диалога, учитывая иерархическое построение существующей административно-политической системы (вертикали власти)»²⁶. Таким образом, при создании государственно-общественных структур в качестве институтов гражданского общества власть может руководствоваться желанием укрепления собственных позиций, налаживанием контроля за формирующейся гражданской сферой и поддержкой подвластных общественных организаций. Данные тенденции, на наш взгляд, не будут способствовать полноценному диалогу государства и общества, а созданные структуры не смогут в полной мере отражать интересы социальных групп, что приведет к нарастанию социальной напряженности и накоплению неразрешенных противоречий в политической системе.

Необходимость создания диалога между государством и гражданским обществом, основанного на принципах доверия, уважения, доброжелательности, равенства и свободы выбора, подчеркивается в работах многих исследователей. Так, трактовка «социального партнерства» прошла свой путь от формы сотрудничества в социально-трудовых отношениях до наиболее предпочтительной формы взаимоотношений государства и общества²⁷.

Важность позитивного взаимодействия государства и гражданского общества также подчеркивается в Докладе о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2014 год, где нашему вниманию представлена модель «взаимно ответственного партнерства», в которой подчеркивается взаимопонимание, взаимопроникновение и созидательное сотрудничество данных субъектов²⁸. Единство государства и гражданского общества в России, согласно тексту доклада, основывается на ценностном консенсусе: патриотизм, суверенитет и справедливость, причем аргументация сводится к событиям 2014 г., а именно украинскому кризису, воссоединению с Крымом, попыткам международной изоляции и экономического давления. При этом важно отметить, что в качестве рисков и угроз для развития нашей страны также признаются коррупция, неэффективность госуправления, отсутствие исполнительской дисциплины и ответственности чиновников всех уровней²⁹.

В качестве мощных, зарекомендовавших себя сил, играющих особую роль в «трансфере» позитивных гражданских инициатив, признаются Общественная палата Российской Федерации, общественные палаты субъектов Российской Федерации и Общероссийский народный фронт. Обозначается также проблема институционализации «третьего сектора», введение в оценку деятельности НКО таких понятий, как «общественная польза» и «социальный охват», а их прозрачность и открытость для общества и государства признается важнейшим условием дальнейшей деятельности и государственной поддержки. «Главным должен быть признан позитивный, созидательный характер активизма, его направленность на укрепление стабильности в стране, на рост авторитета России в мире»³⁰.

Итак, рассмотренные нами модели взаимодействия государства и институтов гражданского общества имеют свои сильные и слабые стороны для анализа современных реалий: с одной стороны, они позволяют нам оценивать важнейшие факторы российской институционализации гражданского общества, например, такие как доминирование государства, влияние советского периода истории, важность применения инновационных механизмов, роль и место институтов гражданского общества в процессе принятия политических решений; с другой стороны, все модели носят абстрактный характер, их применение весьма условно и часть из них вовсе не приспособлена к вызовам и угрозам современного мира.

Российская специфика модели взаимодействия государства и институтов гражданского общества, на наш взгляд, состоит в поиске некоего баланса между защитой от внешнего давления и реализацией внутренней потребности в повышении политической функциональности институтов гражданского участия, разрешении

социально значимых противоречий. В современных условиях российскому государству важно не скатиться к авторитаризму и не поддаваться шантажу зарубежных организаций, преследующих свои собственные цели и интересы. В данной ситуации модель «взаимно ответственного партнерства», основанная на коммуникативном равенстве сторон и созидательном сотрудничестве, наиболее актуальна и востребована.

На наш взгляд, приоритет позитивного и созидательного гражданского активизма является важнейшим направлением внутренней политики в современной России, направленной на защиту суверенитета, конституционного строя и национальных интересов от политической деятельности «иностранных агентов», от их негативного внешнего воздействия. В связи с этим принципы функционирования НКО должны быть понятными и прозрачными для государства и общества, следовательно, необходимо дальнейшее совершенствование законодательной базы функционирования «третьего сектора» и устранение изъянов практики регулирования сферы НКО.

Проблема глобализации как внутренне противоречивого, неоднозначного и неравномерного процесса отражается и на взаимодействии государства с институтами гражданского общества. Помимо культурного обогащения, заимствования ценностей, институтов и идей, способствующих гармонизации общества и развитию толерантности, также имеют место негативные тенденции, отражающие нарастающие рискогенности современных обществ. Внутренняя нестабильность и противоречивость их развития нередко усугубляются внешним доминирующим воздействием наиболее влиятельных субъектов международной политики. В контексте современных вызовов и угроз власть в России вырабатывает новые механизмы противодействия внешнему давлению, что напрямую отражается и на развитии институтов гражданского общества.

Примечания

- 1 См.: *Сергеев В. М.* Народовластие на службе элит. М. : МГИМО-Университет, 2013.
- 2 См.: Стратегия национальной безопасности России до 2020 года. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 10.03.2015).
- 3 МГИМО Университет. Кафедра гражданского общества. URL: <http://www.mgimo.ru/study/faculty/politics/kgo/> (дата обращения: 15.03.2015).
- 4 *Вилков А. А.* Политическое управление и гражданское общество в современной России // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 4. С. 62.
- 5 Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / под ред. Л. И. Якобсона. М. : Вершина, 2008. С. 6.
- 6 См.: *Новоселецкая Ю. В.* Экономический и социальный совет во Франции : история создания, опыт функционирования и значение для Российской Федерации // Политическая наука и политические процессы в Российской Федерации и новых независимых государствах / Ин-т философии и права УрО РАН ; Урал. акад. госслужбы ; Евразийская сеть политических исследований. Екатеринбург, 2006. С. 390–396 и др.
- 7 См.: *Покладок Е. Б.* Экономический и социальный совет Франции // Современная Европа. 2005. № 4. С. 52.
- 8 Там же. С. 54.
- 9 Там же. С. 55.
- 10 См.: *Боржелли Н., Брайт В.* Общественные советы как механизм консультаций государства с общественностью // Государство и гражданское общество : практика эффективного взаимодействия. Международный опыт : сб. ст. и док. / сост. Е. Б. Тонкачёва, Г. Б. Черепок. Минск : ФУАинформ, 2009. С. 154–162.
- 11 См.: *Руденко В. Н.* Консультативные общественные советы : особенности организации и деятельности. URL: <http://www.politex.info/content/view/271/30/> (дата обращения: 02.03.2015).
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 См.: *Корноушкин А. Б.* Самодеятельные институты и формы совещательной демократии в структуре гражданского общества (на примере гражданских жюри) // Инноватика – 2011 : сб. материалов VII Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (с междунар. участием), Томск, 26–28 апреля 2011 г. / под ред. А. Н. Солдатова, С. Л. Минькова. Томск : Том. ун-тское изд-во, 2011. С. 242–244 ; *Руденко В. Н.* Указ. соч.
- 15 *Зайцев А. В.* Делиберативная демократия, диалог и их место в констелляции дискурса публичной политики // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. Т. 27, № 15 (158). С. 148.
- 16 См.: *Зайцев А. В.* Делиберативная демократия и общественный диалог в Китае // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 4 (24). С. 147.
- 17 См.: *Яжборовская И. С.* Делиберативная демократия. Делиберативная политика // Согласие в обществе как условие развития России. Вып. 3. Политическое согласие : Стратегии и реальность / отв. ред. О. М. Михайленок. М. : ИС РАН, 2013. С. 73–90 ; *Самсонов В. В., Зазулина М. Р.* Современные тенденции трансформации политики : новые концепции демократии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. Философия. 2014. Т. 12, № 3. С. 38–47.
- 18 *Зайцев А. В.* Делиберативная демократия, диалог и их место в констелляции дискурса публичной политики. С. 148.
- 19 См.: Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством. С. 212–214.
- 20 Там же.
- 21 См.: *Вилков А. А.* Указ. соч. С. 64–66.
- 22 См.: *Якимец В. Н.* Межсекторное социальное партнерство : основы, теория, принципы, механизмы. М. : Едиториал УРСС, 2004.

- ²³ См.: Якимец В. Н. Инновационные механизмы нового этапа развития межсекторного социального партнерства в России // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. История. Политология. Социология. 2014. № 4. С. 146–153.
- ²⁴ См.: Яргомыская Н., Белокурова Е., Ноженко М., Торхов Д. Почему НКО и власти нужны друг другу. Модели взаимодействия в регионах Северо-Запада // Публичная политика : вопросы мягкой безопасности в Балтийском регионе / под ред. М. Б. Горного. СПб. : Норма, 2004 С. 65.

- ²⁵ Зайцев А. В. Делиберативная демократия и общественный диалог в Китае. С. 149.
- ²⁶ Там же. С. 151.
- ²⁷ См.: Модель И. М., Модель Б. С. Социальное партнерство в системе общественных отношений // Науч. ежегодник Ин-та философии и права УрО РАН. 1999. № 1. С. 79–99.
- ²⁸ См.: Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2014 год. М. : Общественная палата РФ, 2014.
- ²⁹ Там же. С. 6.
- ³⁰ Там же. С. 7.

УДК 321.02

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ РОЛИ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЙ В ПОЛИТИКЕ

Э. И. Авзалова

Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: elmira_avzalova@mail.ru

В статье рассматриваются методологические трудности исследования роли интернет-коммуникаций в политике. Анализируются различные подходы к пониманию сущности Интернета. Сделаны выводы о том, что внедрение интернет-коммуникаций способствуют не только трансформации и модернизации политического процесса, но и дальнейшей смене исследовательской парадигмы в политической науке.

Ключевые слова: Интернет, интернет-коммуникации, методология, постмодернизм.

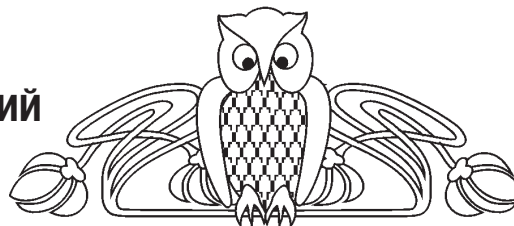
Methodological Peculiarities of Study the Role of Internet Communications in Politics

E. I. Avzalova

In this article, we consider methodological difficulties of study the role of Internet communications in politics. We analyze different approaches to understanding the Internet. We draw conclusions that the introduction of Internet communications contribute not only to the transformation and modernization of the political process, but further change of research paradigm of political science.

Key words: Internet, Internet communications, methodology, postmodernism.

Развитие интернет-коммуникаций создает новые возможности для деятельности и взаимодействия граждан, политических институтов, общества. Сегодня Интернет становится пространством осуществления политических практик. Тем не менее, вопрос о последствиях «интернетизации» политики остается открытым. Если исследования трансформации и модернизации политических институтов и процессов, к которым приводит внедрение интернет-коммуникаций, активно развиваются, то осмыслению тех изменений, которые произошли под их влиянием

в науке в целом и в политической науке в частности, уделяется намного меньше внимания. Именно рассмотрению этой группы проблем посвящена данная статья.

Официальной датой появления Интернета принято считать 1969 г. Начиная с этого момента Интернет бурно развивается и оказывает заметное влияние на все сферы жизни общества.

Сегодня темпы роста Всемирной паутины поражают воображение: Интернет прирастает в среднем на 18% в год¹. Как отмечает М. С. Вершинин, «телефону, который впервые был представлен на Всемирной выставке 1879 года в Филадельфии, потребовалось 55 лет для того, чтобы численность его пользователей достигла 50 млн человек. Телевидение вышло на аналогичный уровень пользователей за 13 лет. Интернету понадобилось для этого всего три года»². Сегодня число пользователей Интернет составляет 3 млрд (почти половина всего населения земного шара). Если в XX в. важную роль в социальной коммуникации играли радио и телевидение, то в XXI в. роль «революционного метода коммуникации», несомненно, играет Интернет.

Использование возможностей Всемирной паутины в различных сферах жизни общества, в том числе и в политической, привело к возникновению новых научных понятий: «интернет-коммуникации», «интернет-технологии», «интернет-участие», «интернет-голосование», «кибертерроризм» и т. д. Вся совокупность политической практики в Интернете выделяется в особую категорию «сетевой политики». Однако при изучении категорий «сетевой политики» возникает ряд проблем методологического характера, обусловленных их новизной и междисциплинарным характером.

Важной методологической проблемой при исследовании категорий интернет-пространства является отсутствие науки об Интернете,